

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-1-86-92

«ЖЕНЩИНА НА КРАЮ ВРЕМЕНИ»: ОПЫТ СУБЪЕКТА В ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ* (1)

С.В. Рудановская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются особенности феминистической утопии на примере романа Марж Пирси «Женщина на краю времени», посвященного проблемам становления субъекта на фоне господства гендерных стереотипов и инструментальной рациональности. Классическим утопиям порядка и единообразия противопоставляется утопия заботы, акцентирующая внимание на ценностях родства и различий. Утопическое рассматривается как неотъемлемый компонент социального и экзистенциального опыта субъекта, предпринимающего рискованное путешествие за пределы готовых идентичностей и социально признанных дефиниций (прежде всего бинарной оппозиции «нормальное»/«патологическое»).

Ключевые слова: литературная утопия, Марж Пирси, феминизм, опыт субъекта, забота, различия, жизнь, природа

ОПЫТ СУБЪЕКТА И ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ

Классическая литературная утопия, парадигмальным образцом которой является произведение Т. Мора, не занимается человеком как таковым, но сосредоточена на описании общих моделей социального поведения (1). Человек в утопическом повествовании — человек вообще, представитель и выразитель того или иного социального порядка, где желаемое не противоречит действительному, встроено в спектр допустимых возможностей. Будучи пространством всеобъемлющей социальности, утопия исключает опыт одиночества, отчуждения, асинхронии между субъективным временем ожиданий, надежд и ограничениями социальных институтов. В утопии нет и не может быть «подпольного» (Ф. Достоевский) или «постороннего» (А. Камю) человека, остро осознающего несоответствия и парадоксы человеческого существования, противостоящего абсурду окружающей действительности.

По своему сюжету утопия — непсихологический жанр, поскольку самое главное здесь происходит вовне: риски путешествия в неизвестность, встреча с другим образом жизни, экзотика иной повседневности. Социологическое описание альтернативного общественного устройства в утопии перекрывает нюансы субъек-

* Ряд тезисов данной статьи был опубликован автором в сборнике докладов к конференции International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2016) — Atlantis Press, 2016 (July). P. 147—152. DOI: 10.2991/icadce-16.2016.31.

тивных переживаний, несмотря на то, что само повествование разворачивается в пространстве субъективного, в поле зрения рассказчика/автора, взору которого предстает разумная действительность, не допускающая «провалов» смысла. Следы субъективного, озабоченность конкретным человеческим существованием присутствуют в повествовании «по краям», в виде ностальгии по увиденному социальному порядку, переживания несоответствия между императивами просвещенного *ratio* и фактической действительностью.

Опыт субъекта в классической утопии — опыт человека, ментально дистанцирующегося от реальности как она есть и сохраняющего позицию гостя или «экскурсанта» [6. Р. 324] в реальности, какой она может быть. При этом субъект не озабочен ситуацией человека в мире, своим «местом» во вселенной. Наблюдатель в утопии — не экзистенциальный субъект, сознающий свое одиночество на фоне инертной действительности, но путешественник, понимающий условную значимость «места», временность социальных установлений, даже если они воспринимаются как естественные. Позиция рассказчика в классических утопиях — это позиция разумного наблюдателя, стремящегося освободиться от фактической необходимости, навязанной обстоятельствами, и совершить радикальный переход к продуманному социальному общежитию, где все отвечает принципам безопасного и полезного времяпрепровождения. При этом в какой бы точке пространства ни находился наблюдатель, он остается тождественен самому себе; движение мысли прочь от наличной действительности, также как и возвращение к ней, не влияют на идентичность главного героя.

ФЕМИНИЗМ И УТОПИИ СУБЪЕКТА

Феминизм вносит изменения в жанр литературной утопии, касающиеся как изображения утопического сообщества, так и изображения главных героев (2). Феминистическое движение с самого начала своего возникновения выдвигает на первый план проблему субъекта, самовыражение и возможности которого систематически подавляются принципом гендерных различий, формирующим и легитимирующим стандартный ролевой репертуар современных обществ. Следуя традиции обличения идейных предпосылок, лежащих в основе «естественного восприятия мира», феминизм выступает против порядка, в котором пол является судьбой («такова женская доля», «это мужское дело»), в котором каждый знает свое «место», в котором распределение «мест» опережает самоопределение и самосознание людей, заставляя их прибегать к стереотипам в восприятии себя и других (говорить о состоявшихся/несостоявшихся женщинах и мужчинах).

Если изначально феминизм заостряет внимание на политическом и экономическом освобождении женщины, то начиная со второй половины XX в. феминизм занят проблемой ментального освобождения и мужчин и женщин от невидимых «идолов сознания», пронизывающих повседневную речь, научные дискурсы, иерархию ценностей. Поле деятельности позднего феминизма — языковые практики и нормы социальных отношений, формирующие «ложное» самосознание (детерминированное полом) и, следовательно, отчуждающие человека от своего аутентичного Я.

Непосредственная цель феминистических утопий — повлиять на самосознание женщины, избавить ее от привязанностей к традиционным ролям, поощряющим нарциссизм, пристрастие к внешним эффектам, бездумное существование и индифферентность к собственной судьбе. Путешествие в утопию для феминистического субъекта предполагает переход от обывательской установки сознания, принимающей мир как данность, к позиции критического субъекта, выявляющего знаки несправедливости в само собой разумеющихся отношениях между людьми. Если рациональный субъект классических утопий изначально свободен и пользуется преимуществами географической и когнитивной мобильности, то отправной точкой героинь феминистических утопий, как правило, является несвобода, инерционность, смутные представления о себе и действительности. Отсюда и изменение сюжетной линии: не герой отправляется в утопию, а утопия вклинивается в повседневную жизнь героини, ставя под сомнение приемлемость и значимость этой жизни, инициируя внутренний конфликт между тем, что есть, и тем, что может быть.

Самосознание и самоопределение субъекта, формирование его личностного видения становится основной темой утопического повествования. Главный герой феминистической утопии — наблюдатель, который никогда не является только наблюдателем, занимающимся социологическими исследованиями, абстрактной компаративистикой, но всегда действующим лицом, уязвленным существованием альтернативного общества, вынужденным прилагать усилия для сохранения внутреннего равновесия при столкновении с «другой» повседневностью. Вместо одинокого и самодостаточного наблюдателя традиционной утопии появляется тревожный субъект, испытывающий внутренние борения между гарантированным существованием «как всегда» и «так далее» (А. Шюц) и негарантированным новыми связями, которые предоставляет утопия, и которые могут оказаться только иллюзиями. В отличие от традиционных героев утопии, героини феминистических произведений не обретают точку опоры при встрече с представителями другого общества, напротив, их мир рушится, они оказываются в полифоническом пространстве множества голосов, в котором голос утопии не является единственным.

Авторы феминистических утопий не ожидают широкомасштабных изменений, не руководствуются метанарративами, провоцирующими социальные революции, а также не заняты поисками чисто спекулятивных моделей, удовлетворяющих любопытство широкой аудитории. Их стезя — точечные микровоздействия на критически настроенных читателей, провоцирование самонаблюдения, переосмысление отношения к сфере «естественного» распределения ролей, полномочий, внимания. Подобное воздействие происходит посредством изображения драматической судьбы незнающего и ищущего субъекта, в буквальном смысле слова разрывающегося между утопией и реальностью.

По сюжету утопическое общество всегда близко. Граница между утопическим и неутопическим проходит не на уровне географического пространства (между совершенным «островом» и несовершенной действительностью [2]), а на уровне субъективного восприятия действительности (между моментами времени, состоя-

ниями субъекта). Утопия перестает быть «местом, которого нет» и которое ищут за дальними далями, но становится модусом субъективного, борющегося за аутентичность своего существования здесь и сейчас, на фоне сложной неоднозначной действительности. Роман М. Пирси «Женщина на краю времени» является одним из произведений подобного рода.

УТОПИЯ ЗАБОТЫ И ОПЫТ ОДИНОЧЕСТВА

Изначально ничто в романе не предвещает протестных настроений, выражающих бунт субъекта против основ социальной действительности. Действие разворачивается в Америке середины семидесятых годов XX в., в развитом индустриальном обществе, где есть все для безбедной и счастливой жизни. Однако современные блага цивилизации проходят мимо главной героини романа Консуэло Рамос, которая благодаря стечению обстоятельств и непреложным алгоритмам социальной дифференциации (гендерным и этническим стереотипам) оказывается вытесненной на обочину жизни, становится «опасным» элементом общества: сначала «преступницей», затем «душевнобольной».

Большую часть времени одинокая молодая женщина вынуждена молчать и вспоминать, пытаясь понять причины жизненных неудач. Ее воспоминания о прошлом периодически прерываются грубым вторжением настоящего, а также фантастическими видениями будущего. И если в настоящем героиня — пациентка психиатрического заведения, не имеющая права голоса, то в будущем — желанная персона, к которой все относятся с повышенным вниманием. Кратковременные экскурсии в утопическое сообщество Мэттапуасетт (Mattapoisett) 2137 года, сходные с ментальными переключениями между двумя мирами, постепенно помогают отчужденному субъекту преодолеть чувство одиночества и никчемности, заново обрести себя.

Отсутствие одиноких людей и взаимная поддержка — «родовая» черта утопии, но большинство классических утопий решает проблему одиночества посредством вовлеченности всех и каждого в общее дело. В классической утопии человек не одинок, потому что живет среди людей, разделяющих его взгляды, а также режимы труда и отдыха. В феминистической утопии человек не одинок, потому что живет среди родных и эмоционально близких людей, участвующих в жизни друг друга. «Мы хотим, чтобы каждый из нас ощущал себя ... любимым (cherished). Это самое важное...» [10. loc. 3261], — говорит посланница общества будущего. Забота является знаком душевной щедрости и отличается от опеки: не подчиняет, но вдохновляет, выявляет в человеке сильные стороны характера, уравнивается коммуникативным разумом, стремлением к взаимопониманию. Быть в обществе означает быть субъектом, о котором заботятся и в котором видят возможности и перспективы. Утопическое социальное не столько уравнивает в правах, сколько приучает относиться к каждому человеку как к событию, независимо от его заслуг, достижений или прошлых ошибок. Никого в утопии не интересует негативная идентичность Консуэло. Способность героини к отзывчивости и диалогу является достаточным основанием считать ее достойной внимания, независимо от того, кем ее считают в своем времени (3).

Подобная забота является недостижимой для сложного общества, где заботы не хватает на всех и где она меняет свой характер в зависимости от степени близости между людьми. Предмет мысленной заботы героини — ее маленькая дочка, которую отобрали органы опеки (формально «заботящиеся» о благополучии ребенка). Сама героиня — предмет заботы врачей, которые планируют операцию по вживлению имплантов, контролирующих интенсивность эмоциональных переживаний пациента. Заботящиеся либо чрезмерно поглощены желанием помочь, превращая заботу в идею фикс, либо равнодушны к тому, о ком заботятся. Чаще всего объектами заботы становятся вещи, а не люди (или, скорее, люди в их отношении к вещам): «Как Адель? Прекрасно. У нее новая шуба» [10. loc. 6534].

Встреча с утопией помогает осознать семантическую пустоту современной риторики общения, построенной на замещении онтологических реалий рыночными оценками. Утопическая забота делает более очевидным одиночество человека в социуме, где многочисленные шумовые эффекты, режим бизнес-взаимодействий и нехватка времени скрывают дефицит нужных слов, необходимых для развития личности. При первой встрече с Консуэло представительница Мэттапуасетт произносит знаковые слова: «Если ты и я наберемся терпения, мы сможем упрочить наш контакт... Если мы обе будем работать над этим, мы будем слышать друг друга все лучше и лучше» [10. loc. 969].

Идеал заботы как способности и готовности совершенствовать отношения с другими с тем, чтобы сделать их более доверительными, искренними, понимающими, предвосхищает этические трактовки этого понятия, появившиеся в 80-е гг. XX в. (4). Для воплощения этого идеала М. Пирси отказывается от образов урбанистического будущего (где отношения между людьми с необходимостью опосредованы формальными нормами и безличными режимами общения) и прибегает к образу сельского поселения (где все отношения имеют непосредственный межличностный характер и где люди привыкли договариваться друг с другом при решении возникающих проблем). Напоминая по структуре простое доиндустриальное общество, по своему образу жизни Мэттапуасетт обгоняет постиндустриальную цивилизацию, сумев подчинить высокие технологии целям нерыночной самореализации и коммуникативного разума.

Преобладание заботы в утопии не говорит о преобладании чувств над разумом, женского начала над мужским, но скорее экологического реализма над иллюзиями эго- или этноцентризма. Речь идет об особом разуме, направленном на «сохранение, поддержание и восстановление нашего мира, чтобы жизнь в нем была как можно лучше» [8. P. 544]. Единственное, что отличает прагматику утопии от прагматики современности, — это то, что «наш мир» не ограничивается узким кругом «своих» (имеющих общую территорию, культуру или идеологию). Не «свои» определяют масштабы заботы, а забота как деятельное сочувствие всему живому определяет сферу «своего». Общество заботы — расширяющаяся вселенная интеракций, имеющих «включающий», а не «исключающий» характер. Утопический субъект непрерывно создает диалогические связи, в том числе там, где для

современного субъекта открывается лишь сфера молчания, хаоса или угрозы. В сферу коммуникации попадают не только люди, но и животные, природа в целом. Для субъекта утопии одиночество — нонсенс, он — часть большого целого, и в то же время сам олицетворяет собой эту целостность, так как способен «чувствовать вместе с другими живыми существами» [10. loc. 2567], осознавать невидимую «сеть, связывающую всех со всеми» [10. loc. 2675].

Утопия заботы в интерпретации М. Пирси — не столько беспроблемная социальная среда, сколько среда, в которой нет проблем, связанных с нежеланием вникать в «чужие заботы». Это общество повышенной чуткости, где все дети — свои (после праздников, где бы они не заснули, любой прохожий относит их домой), а взрослые окружены вниманием как дети, где стремятся жить в гармонии с природой и где цель любого взаимодействия — мягко восстанавливать нарушенный баланс, если он был нарушен, или свидетельствовать о близости своих, готовых быть рядом, если потребуется. Утопия в данном случае говорит о преимуществах социального как большой семьи, вскармливающей и поощряющей к развитию, как дома, в котором человек осознает себя «в своей тарелке», где ему нет необходимости играть на публику, надевать маски под взглядом «чужого», где его индивидуальность не подавляется.

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О классических и неклассических утопиях см.: [9; 5; 3; 4, § 21—24]. О традициях литературной утопии также см. статью: [6].
- (2) Прежде всего, речь идет о двух произведениях середины 70-х гг. XX в.: [10; 11].
- (3) Никого в утопии не интересует негативная идентичность Консуэло. Способность героини к отзывчивости и диалогу является достаточным основанием считать ее «своей», независимо от того, где и в каком времени она находится и кем она является в этом времени.
- (4) Об этике заботы подробнее см.: [1; 7; 8].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Артемьева О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // *Этическая мысль*. М., 2000. № 1.
- [2] Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- [3] Bartkowski F. *Feminist Utopias*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1991.
- [4] Csicsery-Ronay I. Notes on Mutopia // *Postmodern Culture*. 1997. V. 8. N 1. URL: <http://pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.997/csicsery.997> (дата обращения: 25.05.2008).
- [5] Ferns, Ch. *Narrating Utopia* — Liverpool: Liverpool University Press, 1999.
- [6] Frye N. *Varieties of Literary Utopias* // *Daedalus*. 1965. Vol. 94. N 2. URL: <http://www.jstore.org/stable/20026912> (дата обращения: 27.01.2014).
- [7] Held V. *The Ethics of Care: Personal, Political and Global*. Oxford University Press, 2006.
- [8] Held V. *The ethics of care* // *The Oxford Handbook of Ethical Theory*. Ed. by D. Copp. N.Y., 2006.
- [9] Moylan T. *Demand the Impossible. Science fiction and the utopian imagination*. New York and London: Methuen, 1986.
- [10] Piercy M. *Woman on the Edge of Time*. Ballantine Books, 2010 (Kindle reprint edition. 1st edition 1976).
- [11] Russ J. *The Female Man*. — Gateway, 2010 (Kindle edition. 1st edition 1975).

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-1-86-92

“WOMAN ON THE EDGE OF TIME”: EXPERIENCE OF THE SUBJECT IN FEMINIST UTOPIAN FICTION

S.V. Rudanovskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklay Str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article centers on the specific features of feminist utopia with the analysis of Marge Piercy's novel “Woman on the Edge of Time” devoted to the development of the subject against the power of gender stereotypes and instrumental control over nature and human feelings. In contrast with classical utopias, the feminist utopia of care emphasizes values of differences and affinity. The visions of utopia are seen as an essential component of social and existential experience of the subject who undertakes a risky task of travelling beyond the ready-made identities and socially recognized definitions (first of all, binary opposites “normal” / “pathological”).

Key words: literary utopia, Marge Piercy, feminism, experience of the subject, care, differences, life, nature

REFERENCES

- [1] Artem'eva OV. Etika zaboty: feministskaya al'ternativa klassicheskoy filosofii. *Eticheskaya mysl'*. Moscow, 2000. 1 (In Russ).
- [2] Shadurskij MI. *Literaturnaya utopiya ot Mora do Haksli: problemy zhanrovoy poetiki i semiosfery*. Obretenie ostrova. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2007 (In Russ).
- [3] Bartkowski F. *Feminist Utopias*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1991.
- [4] Csicsery-Ronay I. Notes on Mutopia. *Postmodern Culture*. 1997. V. 8. N 1. URL: <http://pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.997/csicsery.997> (Available from: 25.05.2008).
- [5] Ferns Ch. *Narrating Utopia*. Liverpool: Liverpool University Press, 1999.
- [6] Frye N. Varieties of Literary Utopias. *Daedalus*. 1965; 94(2). URL: <http://www.jstore.org/stable/20026912> (Available from: 27.01.2014).
- [7] Held V. *The Ethics of Care: Personal, Political and Global*. Oxford University Press, 2006.
- [8] Held V. The ethics of care. *The Oxford Handbook of Ethical Theory*. Ed. by D. Copp. New York, 2006.
- [9] Moylan T. *Demand the Impossible. Science fiction and the utopian imagination*. New York and London: Methuen, 1986.
- [10] Piercy M. *Woman on the Edge of Time*. Ballantine Books, 2010 (Kindle reprint edition. 1st edition 1976).
- [11] Russ J. *The Female Man*. Gateway, 2010 (Kindle edition. 1st edition 1975).